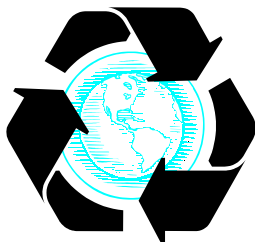

Андрей Горяинов

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС ИЛИ КРИЗИС ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ?

При исследовании взаимоотношений религии и науки чаще всего мы наблюдаем либо войну догм, либо чисто эклектичное сочетание и религии, и науки. Если мы *a priori* полагаем, что данное учение — религия, то считаем, что к нему нужно относиться настороженно ввиду возможной субъективности его положений. Но если данное учение будет признано наукой, скорее всего все его положения мы слепо примем на веру. Это — тоже своего рода религиозный опыт, тем более, что сам современный научный метод, претендующий на роль беспристрастного определителя объективной истины и часто используемый в борьбе с религией, религиозен по своей сущности.¹ Нам постоянно приходится иметь дело с различными религиозными верованиями, и именно они формируют наше сознание и представления о том, что есть добро и что — зло (считаем ли мы, к примеру, человеческие жертвоприношения отвратительным убийством или возвышенным обрядом богопоклонения).² Вот почему при исследовании какого-либо учения необходимо выявить не только степень его религиозности, но и какого рода эта религиозность (особенно — если это учение пытается установить как мы должны жить и что должны ценить). А именно на роль такого учения стала претендовать в последнее время **экология**, в особенности — социальная и валео-экология. В связи с продолжающейся деградацией окружающей среды идеи экологии оказывают на нашу жизнь все большее влияние. Они принимаются на веру, даже если противоречат здравому смыслу, ибо распространяются под грифом: *установлено наукой*. Но является ли экология наукой?

Претендуя на звание естественной науки, на раннем этапе своего развития экология не могла быть таковой по простой причине: мерилом справедливости ее заключений был отнюдь не эмпирический опыт. В связи с этим авторитет ее как науки был не слишком велик. Ее даже не отделяли от биологии, и только благодаря дарвиновским идеям естественного отбора экологии посчастливилось стать отдельной дисциплиной, которую еще долгое время именовали не иначе как *Геккелевской ветвью зоологии*.

Представители *Геккелевской ветви* полагали, что без теории, способной не только анализировать, но и прогнозировать развитие процессов в биосфере, отношение ученого мира к экологии будет долгое время серьезным, чем к какому-либо литературному салону, и что только создание математической модели биосферы превратит наукообразный романтизм экологии в отрасль прикладной науки. Тем не менее, практически до второй половины XX века таких работ не велось. Более 100 лет экологи в лучшем случае занимались сбором информации об основах структуры и функционирования природных и антропогенных систем, в худшем — фантазиями на тему дальнейшего хода эволюции, как-то: появление сверхчеловека; возникновение новых, более приспособленных форм жизни и т.д.³ Наконец, в 1972 г. в Венеции, на семинаре ЮНЕСКО о путях развития глобальных исследований, был поставлен вопрос о создании требуемой модели. Примерно в это же время экологи декларировали, что наша биосфера находится в состоянии глубокого экологического кризиса.⁴ Не совсем понятно, правда, каким образом это

удалось сделать без модели, позволяющей определить ту «роковую черту» за которой следует экологическая катастрофа, и которая определяет степень критичности нашего состояния. Возможно, здесь сыграло роль представление экологии о неверной эволюционной направленности развития человека, приведшей к тому, что *любое* сосуществование человека с природой носит оттенок экологического кризиса.⁵ Так или иначе, математическая модель биосферы позволила бы детально исследовать развитие биосферных процессов и формировать экологически правильные технологические процессы и этические установки в соответствии с принятой моделью.⁶

Проблема, однако, состояла в том, что, как оказалось, никто в точности не знал, какое количество факторов надо учитывать для построения энергетических моделей атмосферы и океана, а также динамики биосферы. Отсутствовали однозначные математические описания множества физико-химических процессов, происходящих в биосфере. Из всех химических циклов биосферы углеродный — наиболее важный, но даже его детально смоделировать не удалось. С параметрами животного мира, зависящими от абиогенных факторов, дела обстояли еще хуже.⁷ Но самым печальным в истории биосферного моделирования оказалось то, что даже начальные попытки применения здесь корректных научных методов потерпели полный крах — создание такой математической модели оказалось вообще невозможным. Дело в том, что в соответствии с принципом корректности Адамара для математических моделей, *малые ошибки не должны приводить к большим последствиям*, иными словами, незначительные изменения начальных и граничных условий не должны коренным образом менять поведение системы в целом. В реальности же, почти все происходит как раз наоборот.⁸ Большинство природных систем находится в состоянии неустойчивого равновесия, что при отсутствии однозначных оценок ПДК для целого ряда веществ⁹ делает невозможным построение научно корректной модели биосферы.

Потерпела неудачу и попытка чисто прагматического решения проблемы путем создания самодостаточной замкнутой

натурной модели Биосфера-2 в Аризоне (США) в 1984-91 гг. (под биосферой №1 подразумевалась собственно Земля). Несмотря на астрономические (около \$200 млн.) финансовые затраты, сверхсовременное технологическое обеспечение и действительно героические усилия энтузиастов, искусственный “райский сад” площадью 1.3 Га, оказался неспособным обеспечить восьмерых человек необходимым количеством еды, воды и воздуха даже на два года. Уже через 15 месяцев после закрытия в 1991 г. изолирующей оболочки, уровень кислорода упал до критического, и кислород пришлось экстренно нагнетать извне. Вымерло 18 из 25 помещенных по купол видов позвоночных; вымерло большинство насекомых, в частности — все виды, участвующие в процессе опыления; возникли серьезные проблемы с загрязнением воды и воздуха, с контролем температуры.¹⁰ Устроителям этого грандиозного эксперимента пришлось признать, что мы не имеем даже малейшего представления, каким же образом естественные экосистемы способны обеспечивать все необходимое для существования человека. Так что вопрос о причислении экологии к естественным наукам по сей день остается открытым.

Чем же, в таком случае, является экология? Для ответа на этот вопрос прежде всего выясним, что входит в предмет изучения экологии и в рамках какой модели это изучение происходит. Оказывается, единого, общепринятого предмета ее изучения, не существует до сих пор.¹¹ Что же касается методологии, все наблюдаемые в природе явления истолковываются экологией в соответствии с эволюционной моделью. К примеру, считается, что экологическая гармония была нарушена, когда человек начал мыслить. И чем дальше люди “удаляются” от животных, тем большая создается угроза существованию жизни на Земле.¹² Предлагаемые решения этих проблем чаще всего сводятся к двум:

Первое было разработано еще в XIX веке известным утопистом Генри Дейвидом Торо. В своей книге “Уолден, или Жизнь в лесу” (1854) Торо говорит о необходимости полного слияния человека с природой. В наше время это же учение, только в более

откровенно-религиозной форме, проповедуется религиозным движением последователей Порфирия Иванова.

Второе решение, наиболее известное как учение о *ноосфере*, пока «находится в стадии разработки» (т.е. так и не получило правдоподобной формулировки, и всякий, обращающийся к этому понятию, зачастую сам не имеет ясного представления, что же под ним подразумевается).

Существующие всевозможные вариации этих двух направлений в решении экологических проблем исходят из одних и тех же предпосылок, а потому страдают одними и теми же недостатками. Основанные на примитивной модели, они не способны адекватно отображать реальность. В немалой степени именно этим объясняется то, что практически ни одна из многочисленных теорий о способах предотвращения экологического кризиса не работает. Подобную ситуацию знаменитый физик XX века Р. Фейнман прокомментировал следующим образом: «мы явно имеем дело со знахарскими рецептами»¹³.

Совершенно очевидно, что на сегодняшний день экология представляет собой своеобразную форму религиозного мировоззрения, теории и гипотезы которого напрямую зависят от принятых на веру положений, каковым в первую очередь является предпосылка об естественном прогрессе всего сущего. Явное же несоответствие принятой на веру идеи прогресса реально наблюдаемым фактам (вымирание видов, генетическая деградация, увеличение вредоносных мутаций, и проч.) воспринимается как кризис самой реальности, а не принятого подхода, «непогрешимость» которого — вне обсуждения.

Четко следуя исторически сложившейся в Европе религиозной культуре, экология представляет объект для поклонения и преданного служения — природу, а также санкционирует строго определенную систему мышления и действия — экологический императив. По типу религиозного выражения экология относится в большей степени к пантеизму, но иногда содержит в себе элементы натурализма, политеизма и тотемизма.¹⁴ Имеет экология и свое эсхатологическое учение о “конце света” — неизбежной экологической катастрофе.¹⁵ Концепция “греха” в экологии опреде-

ляется в рамках эволюционной модели и наиболее выразительно формулируется в положениях т.н. эволюционной этики. “Эволюционная этика рассматривает моральное поведение человека как функцию приспособления к окружающей среде. Критерием нравственности считается процесс эволюции. То, что способствует его прогрессу, есть добро, а то, что противодействует — зло”.¹⁶ Соответственно, представления о добре и зле неизбежно должны меняться с изменением окружающей среды, в том числе — социальной. Здесь необходимо отметить, что подобная философия лежала в основах расовой политики фашизма и коммунистического режима концлагерей.¹⁷ Причем обе формации, как и сама экология, отрицательно относились к проявлению в человеке разумного начала.¹⁸ Сегодня эволюционная этика лежит в основе религиозного культа с экологической начинкой Нью Эйджа. В последнее время доктрины этого культа активно распространяются в Восточной Европе под именем *валеофилософии*, включающей *валеологию* (“учение” о здоровье человека) и *валеоэкологию* (“учение” о здоровье природы), проникая даже в государственную систему образования в виде специально введенного курса *Валеология*, учащего жизни “в гармонии с природой”.¹⁹

Влияние философии Нью Эйджа на современное общественное мировоззрение трудно недооценить. При всей очевидности отсутствия представлений о возможных путях выхода из экологического тупика, экологические лозунги являются беспроблемным козырем в предвыборной кампании любого уровня или при дележе средств, изъятых у налогоплательщиков. Уже сегодня 12 организаций в США, составляющих т.н. *Партию окружающей среды* (Environmental Party) имеют бюджет на 250 млн. долларов больше, чем сумма бюджетов Демократической и Республиканской партий вместе взятых.²⁰ А прошедшая в июне 1996 г. в Стамбуле конференция ООН *Human Settlements* определила новый набор экономических, экологических и социальных ориентиров на XXI век, полностью соответствующих программе Нью Эйджа о переделке мира. Международный закон ООН должен будет определить границу роста численности населе-

ния в каждой стране (на всемирном форуме в Сан-Франциско говорилось, что экологический кризис перестанет существовать, когда население земли уменьшится на 90%²¹), уровни потребления, воспитания, образования, а также религиозные взгляды граждан.²²

Как всякое натуралистическое учение, экология изначально сужает эпистемологическую систему, сводя все явления мира лишь к естественным причинам (хотя порой под категорию “естественного” попадают весьма странные понятия, например — *мировой разум*). В связи с этим отвергаются воспитанные христианством представления о трансцендентном происхождении и абсолютном характере норм морали; о непосредственной связи состояния тварного мира и этического состояния человека; об ответственности человека, как блюстителя Божьего творения. Фактически мы стоим перед реальностью возникновения новой пост-христианской цивилизации, которая будет полностью строиться на доктринах синкретического религиозного культа New Age и использовать эволюционную этику в качестве нравственного кодекса.

Здесь самое время задаться вопросом: какой будет эта цивилизация? И будет ли она способна разрешить экологические проблемы? Я думаю — нет, ибо порочный

круг заложен уже в самое основание этого подхода. Предрекая неизбежность экологической катастрофы, экология ставит основной задачей ее же (катастрофы) предотвращение. Глобальные методы решения этой задачи утопичны, а способы достижения поставленных целей эгоистичны.²³ В соответствии с экологическими принципами, в условиях борьбы за существование выживут лишь наиболее приспособленные, остальные же станут не более, чем жертвой естественного отбора, жертвой безличному богу экорелигии. И это — вполне естественное завершение логической цепочки, в начале которой стояли посулы охраны здоровья человека от вредоносных изменений окружающей среды. Это — логическое завершение любого гуманистического учения, изначально декларирующего безграничность прав на удовлетворение потребностей человека, а в итоге лишающего его даже права на собственную жизнь через оправдание аборт, инфантицида, эйтаназии, суицида и проч.

Экологический кризис действительно существует. Но это — не кризис мифического, никем никогда не виданного природного прогресса. Это — кризис самого экологического учения, исходящего основанного на хоть и соблазнительных, но совершенно не связанных с реальностью идеях.

1. Религиозная сущность научного метода. // В книге: «Человек и христианское мировоззрение». Сборник докладов международного симпозиума.- Симферополь, 1996.- С. 150-155.
2. Э. Фромм. Сумерки богов.- М: Политиздат 1990.- С. 161,183.
3. См., наприм.: «Наука и человечество». Международный ежегодник.- М: Знание, 1989. С. 19-33.
4. Элементы язычества в современном экологическом движении.- Симферополь: Крымское общество креационной науки, 1996.
5. Д.Ж. Маркович. Социальная экология.- М: Просвещение, 1991. С. 18.
6. Там же, с. 24.
7. Н. Моисеев. Экология человечества глазами математика.- М: Молодая гвардия, 1988. С. 33-40.
8. Там же, с. 41
9. Н.Ф. Реймерс. Охрана природы и окружающей человека среды.- М: Просвещение, 1992.- С. 112
10. “Science” №274, 1996. Рр. 1150-1151.
11. Д.Ж. Маркович, с. 6.
12. Там же, с. 18.

13. Р. Фейнман. Грузокультуры науки. // Наука и Религия №4, 1990. С. 27.
14. См. Berit Kjos. Under the Spell of Mother Earth.- Whiton: Victor Books, 1992.
15. Н. Моисеев, с. 164.
16. Философский словарь.- М: Политиздат, 1986.- С. 552
17. А.Е. Уайлдер-Смит. Происхождение человека, предназначение человека.- Стефанус, 1995.- С. 166-177
18. С. Головин. Эволюция мифа.- Симферополь: Христианский научно-апологетический центр, 1997.- С. 80
19. «Освіта» № 30, 9 августа 1995 г.; См. также: А. Трофимов. Загадочный школьный предмет. // «Свет Евангелия» №1, 1997. С. 22-23.
20. Православная Русь №14, 1992.
21. The McAlvany Intelligence Advisor, February 1996.
22. Christian News, July 8, 1996.
23. Ричард Докинз, The Selfish Gene, 1976.- С. 4.